
Поляна была плоская, как глаз мертвеца. Не приметив ни кустов, ни оврагов, я ускорился. Хотел быстрее пройти участок дороги, рассекавший поляну, и добраться до леса. Вдали от «Зверя» открытое пространство меня пугало.

— Долго ещё? — громко спросил Фара.

Сивый шикнул на него, и Фара спросил потише:

— Долго?

Мы привыкли к непрестанному грохоту «Зверя» и в вылазках иногда на автомате кричали друг другу. Сивый злился и шикал, будто не понимал, что нужно заранее предупреждать всех о нашем появлении. Сивый единственный в отряде ходил без шумихи — консервной банки с болтами. Остальные крепили её на пояс, и она гремела, когда мы шли. У Фары было сразу две банки, а ещё он весь ватник обшил велосипедными катофотами и по ночам в свете фонарей сиял, как подожжённый. Катафоты болтались даже на бандной шапке, которую Фара в холод натягивал прямиком на шапку шерстянную, отчего выглядел немного придуорочно.

Раньше я ругался с Сивым из-за шумихи. Не то чтобы переживал за него. Хочет нарваться на неприятности — пожалуйста, плевать. Но я возглавлял поисковый отряд и не мог молчать. Ничего не добился. Зато сегодня навесил несколько банок на телегу. Она и без

того скрипела так, что нас слышали за сотню метров. Леший одобрил, а Сивый бросал на меня недовольные взгляды.

Пустая телега хорошо шла по грунтовой дороге. Когда-то в телегу запрягали лошадь, но лошадь сдохла, и теперь мы сами запрягались — вставали за перекладину, соединявшую передние концы оглоблей. Мы с Сивым сменялись у левой оглобли, а возле правой бессменно пыхтел Кирпич. Он в любую погоду пёр как танк, а когда остальные выдыхались, смешался к середине, упирался в перекладину грудью и тянул телегу один. Его не смущали ни кочки, ни выбоины. Сейчас на грунтовке Кирпич особо не жилился и явно скучал.

— Долго? — не прекращал ныть Фара.

— Да долго, долго! — не сдержался Сивый. — Подохнуть успеешь!

— А это сколько в километрах?

Леший рассмеялся и подмигнул мне. Я понадеялся, что Сивый психанёт и полезет в драку, но Фара притих и дальше плёлся молча. Он бы не отказался лечь в телегу. Ему бы хватило ума нарочно расшибить себе ногу и взять меня жалостью, но я его предупредил, что в телегу он ляжет только мёртвый.

Поляна осталась позади, и дорога устремилась через непроглядную чащобу. Лишь редкие просеки вскрывали её коряжистые внутренности. Тут укрытий было предостаточно, но дорога петляла в обход болотистых озёр, и я разблокировал на колёсах трещотки — не хватало нарваться на кого-нибудь за слепым поворотом. Разблокированные, трещотки цокали громче любой шумихи. Язычок, цеплявшийся за спицы колеса, быстро изнашивался, и я приберегал трещотки для затаённых мест вроде этого леса.

Дорога вывела на мост, перекинутый через русло убогой речушки — слишком убогой для такого моста и такого русла, прежде, наверное, принимавшего куда более внушительный поток. Там что-то мудрили с дамбами, и вот результат. А может, тут другое, с дамбами не связанное, трудно сказать. В сводках недавно объясняли, но чересчур путано, да и сигнал тогда был слабый. Я только понял,

что удалось затопить пару сёл и радиоведущие остались довольны. Они там всегда чем-то довольны, иногда аж захлёбываются, как им хорошо. Жутко бесит, но радио мы всё равно слушаем, потому что больше слушать нечего.

За мостом мы свернули к берегу, чтобы пополнить фляги и умыться. Вода была студёная, но я достал из вещмешка ковш, раздёлся по пояс и окатил себе голову, потом окатил Лешего — он не побоялся раздеться целиком. Фара и Сивый лишь ополоснули лицо. Кирпич вообще не захотел спускаться к речушке и задержался у телеги. Кирпича пепел и сажа не смущали. И ладно сажа — она жирными пятнами оседала на одежде, а вот пепел проникал повсюду. Мелкий, как пыль, он намертво забивался под ногти, собирался за ушами и в ушах, копился в складке верхних век, за щеками и под нижней губой. Пепел изнутри тонкой плёнкой выстипал ноздри, и я сморкался до гула в голове, пока не вычистил нос. Продрогнув, наскоcо освежил подмышки и заторопился к телеге. Вытираясь запасными портняжками, смотрел, как неспешно, будто в бане, моется Леший. Тот ещё недовесок, и рёбра выпирают, хоть цепляйся за них мясницким крюком, а холод переносил стойко, по нему и не скажешь, что речушка ледяная. Даже смотреть на него было зябко.

Стоя по щиколотку в воде, Леший раздёргивал патлы самодельным металлическим гребнем. Ждать его я не собирался. Мы с Фарой, Кирпичом и Сивым побросали вещмешки в сетку, протянутую между оглоблями, и, чтобы согреться, быстрее покатили телегу по дороге. Под усилившийся шум трещоток и шумих миновали старый указатель.

— Два километра, — прочитал Фара.

— Уже близко, — кивнул я.

Леший нагнал нас на выкате из леса. Волосы у него были по-прежнему грязные. Подул студёный ветер, и он нехотя натянул шапку, а я в очередной раз подумал, какие же у нас на «Звере» говённые

фильтры. Пусть Кардан и дальше твердит про очищающие скрубберы с подщёлочённой водой и дополнительную очистку активированным углём, а фильтры всё равно говёные. Может, они действительно охлаждали дым, чтобы дымососные вентиляторы не поплавились, но с пеплом не справлялись. Про запах я вообще молчу. По запаху нас вычисляли и те, кто знал о нас лишь понаслышке. Оно и к лучшему. И никаких трещоток не надо.

— Там! — Фара заметил покошенную изгородь и створки распахнутых ворот.

На всякий случай я заглянул в навигатор и сверился с проржавевшей вывеской. Не дожидаясь команды, Сивый пробрался под опрокинутым на съезд деревом. Даже Леший не приближался к воротам без моего разрешения, хотя не входил в наш отряд и мне, по сути, не подчинялся, а Сивый повсюду лез без спроса, будто работал сам по себе.

Телегу мы бросили на грунтовке. Я показал Кирпичу, какие ветки срубить под упавшим деревом. Не хотел возиться с ними на обратном пути. Пока Кирпич размахивал топором, мы с Лешим и Фарой пошли вперёд.

Нас встретил обычный посёлок с рядами одинаковых улиц и разномастных домов — то кирпичных и добротных, то деревянных и хибаристых. Бояться здесь было нечего, и я свернул направо. Меня интересовал третий дом на пятой улице. Мы его быстро нашли. И сразу приметили у калитки пузырь.

Двухэтажный бревенчатый дом с металличерепицей и трубками снегозадержателей на скатах крыши отчасти напомнил дом, в котором я родился и куда надеялся вскоре вернуться. У нас снегозадержателей не было, а вот оцинкованная труба дымохода торчала такая же, и стены мы тоже красили в зелёный.

Леший говорил, что ждать осталось недолго. Месяца два, не больше, — и всё перевернётся. Но Леший вообще много чего говорил. Вчера сказал, что раньше попадались старики с электронным стимулятором в сердце. Стимулятор якобы работал на литиевых бата-

рейках, а они взрывались не хуже противопехотной мины. Леший красочно описал, как старикам выворачивало грудину и какой они устраивали переполох. Кирпич пришёл в восторг, а Фара возразил, что ничего подобного быть не могло. Они с Лешим заспорили. Я отмалчивался, в спор не лез. Только посмеивался и гадал, правда ли, что всё перевернётся через какие-то жалкие два месяца.

Когда в калитку вошёл Кирпич, я отмахнулся от мыслей о скромном возвращении домой и сбросил с себя плащ-палатку — отстегнул загнутый угол, развязал тесёмки и превратил её в квадратное полотнище. Кирпич расстелил свой плащ, и мы взялись за первый пузырь. Ещё четыре пузыря лежали на ступеньках крыльца. Другие два я обнаружил под скелетом выгоревшей теплицы.

Мы так и работали вдвоём. Лешего пузыри не интересовали. Он отправился обыскивать богатые дома, и я слышал, как Леший выламывает замок и разбивает окна. Фара сидел на крыльце и вносил записи в букварь, то есть в книгу учёта. Он единственный справлялся с этой задачей. Открыв букварь, делался серьёзным, почти суровым, и не верилось, что полчаса назад он доставал всех нытьём. А Сивый пропал. Заблудился, пока искал пятую улицу. Ну конечно! Чтобы Сивый — и не заблудился? Хотел бы я знать, чем он занимается, когда вот так пропадает.

Мы с Кирпичом управились с пятью пузырями, а теплицу остали Сивому. Когда он заявился, мы курили на крыльце. Помогать Сивому никто не вызвался. Он и не попросил. Сам нашёл теплицу, расстелил перед ней плащ-палатку, вытащил первый пузырь, а со вторым застрял — не протиснулся с ним в крохотную дверь.

Вздохнув, я кивнул Кирпичу. Он выломал дверь, заодно раскусрочил половину теплицы, и мы вернулись на улицу. Тащили за собой три плащ-палатки. У меня и Сивого лежало по два пузыря, у Кирпича — три. Мы с Сивым тащили рывками, огибали ямы, а Кирпич пёр напролом без остановок и вскоре скрылся за поворотом. Фара вился возле меня, словно надеялся подыскать себе местечко на плащ-палатке и наконец прокатиться лёжа.

Лешего мы не ждали. Он мог застрять на всю ночь, а нам предстояло с гружёной телегой нагнать «Зверь». Я планировал пересечься с ним километрах в восьми отсюда. «Зверь» заложил громадный крюк в обход леса, что упростило нам задачу, однако сон ему не требовался и темнота его не пугала, а мы должны были к закату найти место для стоянки. Разгуливать ночью с телегой, набитой пузырями, я не собирался.

Мы ещё помучались, протаскивая плащ-палатки под стволов опрокинутого дерева, потом выдвинулись по грунтовке. К счастью, воронки не встретились, и маневрировать с телегой не пришлось.

Дождь сёк ледяной дробью. Небо в корчах взрывалось световыми вспышками, и гром глушил нас даже под покровом леса. Когда же дорога вывела на луговину, слева удариł ветер. Телега с пузырями накренилась, осела на правое колесо, и Кирпич зарычал от натуги, стараясь выровнять её ход.

— Назад! — прокричал я между громовыми раскатами.

Мы вчетвером насили развернули телегу и покатали её обратно в лес. Опасаясь прятаться в глухой чащобе, я приказал разбить стоянку у дороги и отправил Кирпича за дровами. Пока Кирпич валял хлипкий сухостой, мы с Сивым и Фарой занялись плащ-палатками. Сцепили их парами, изнутри подпёрли тут же наструганными шестами, закрепили растяжки деревянными колышками и получили две тесные палатки. Побросали вещмешки внутрь и наскоро выдолбили вокруг палаток желоба для отвода дождевой воды. Телегу оставили открытой. Пузырям ливень не мешал.

Кирпич натаскал дров, и мы развели на обочине костёр — так, чтобы подсветить и палатки, и телегу. Я нарочно выбрал сквозной участок грунтовки, подальше от изгибов и поворотов. Теперь нас было хорошо видно метров на пятьдесят в обе стороны дороги. Кирпич хотел соорудить над костром навес, но я ему запретил —